

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ш76

Robyn Schneider
THE BEGINNING OF EVERYTHING

© Robyn Schneider, 2013
This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency

Оформление обложки
Jacket art and design © 2013 by M80 Design/ Wes Youssi

Перевод с английского *Нины Павлиной*
Художественное оформление *Екатерины Тинмей*

Шнайдер, Робин.

Ш76 Начало всего / Робин Шнайдер ; [перевод с английского Н. Павлиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109374-7

Эзра Фолкнер верит, что каждого ожидает своя трагедия. И жизнь, какой бы заурядной она ни была, с того момента становится уникальной. Его собственная трагедия грянула, когда парню исполнилось семнадцать. Он был популярен в школе, успешен во всем и прекрасно играл в теннис. Но, возвращаясь с вечеринки, Эзра попал в автомобильную аварию.

И все изменилось: его бросила любимая девушка, исчезли друзья, закончилась спортивная карьера. Похоже, что теория не работает — будущее не сулит ничего экстраординарного.

А может, нечто необычное уже случилось, когда в класс вошла новенькая? С первого взгляда на нее стало ясно, что эта девушка заставит Эзру посмотреть на жизнь иначе.

УДК 821.111-31
ББК 84(24Вел)-44

ISBN 978-5-04-109374-7

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*моим родителям, которые несомненно
попытаются найти себя в этой книге.
Не волнуйтесь, я облегчила вам эту задачу:
вы прямо тут, в самом ее начале!*

*«Я влюбился в ее смелость, в ее искренность
и пылкое самоуважение. И буду верить в них,
даже если всем миром завладеет дикое подозрение,
что она совсем не та, за кого себя выдает.
Я люблю ее, и это начало всего».*

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

*«Мир ломает каждого,
и многие потом только крепче на изломе».*

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ¹

¹ Цитата из книги Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!»
в переводе Е. Калашниковой.

1

ПОРОЙ МНЕ КАЖЕТСЯ, что каждого впереди ожидает какая-нибудь трагедия. Что людей, покупающих молоко спросонья или ковыряющих в носу на светофоре, от катастрофы может отделять всего один миг. Что жизнь любого человека, какой бы заурядной та ни была, в определенный момент станет уникальной. И после некоего события в ней случится все самое важное.

На моего друга Тоби трагическое событие свалилось за неделю до начала седьмого класса в средней школе Вестлэйк. Тем летом мы фанатели от пинг-понга и играли в него босиком на заднем дворе Тоби, мечтая поучаствовать в чемпионате мира. Я играл лучше друга, поскольку родители засунули меня на частные уроки по теннису, стоило мне научиться держать за столом свою вилку. Но иногда, чисто по дружбе, я давал Тоби выиграть. Для меня это было развлечением — придумать, как проиграть убедительно, чтобы друг не заподозрил, что я сделал это нарочно. И пока Тоби практиковался, готовясь к мифическому чемпионату мира по пинг-понгу, я практиковался в выражении тихого акта протеста против убеждения отца, что главное в жизни — победа.

Мы с Тоби были лучшими друзьями и не искали общения с ровесниками, но его мама почему-то решила устроить на день рождения сына вечеринку. Наверное, для упрочнения его популярности в средней школе — популярности, которая не баловала нас в младшей школе.

Она разослала приглашения в стиле «Пиратов Карибского моря» двум десяткам ребят из нашей параллели, с которыми мы с Тоби единодушно не желали общаться, и в последний четверг лета повезла нас всех в Диснейленд в наидряннейшем мини-вэне бордового цвета.

Мы жили всего в двадцати минутах езды от Диснейленда, и волшебство этого места для нас к концу шестого класса уже порядком повыветрилось. Мы точно знали, какие аттракционы хороши, а какие не стоят нашего времени. Поэтому предложение миссис Элликот посетить «Заколдованную комнату Тики» было встречено таким шквалом насмешек, словно она предложила нам подкрепиться в пиццерии салатиками. В конце концов мы прокатились только на одном аттракционе — американской горке Тандер Маунтин Рейлорд.

Мы с Тоби выбрали последний вагончик — понятное дело, самый быстрый. Ребята же с вечеринки чуть не дрались за первый, который медленней последнего, но почему-то считается круче. В общем, мы с Тоби оказались отделены от остальных ребят морем радостных гостей Диснейленда.

Полагаю, этот день помнится мне так ясно из-за того, что случилось потом. Вы видели все эти знаки, расставленные в парках развлечений? С жирными черными линиями, указывающими на ограничение по росту? На этих знаках еще куча дурацких предупреждений: беременным и людям с сердеч-

ными заболеваниями не следует кататься на горках, рюкзаки необходимо снять, во время поездки нельзя вставать в полный рост.

Я все это к тому, что, как оказалось, знаки эти придуманы не зря. Прямо перед нами устроилась семья — туристы из Японии в ушастых кепках с Микки-Маусом. Так вот, сидели мы с Тоби на своих местах, в лица бил ветер, вагончик с таким грохотом несся по трясущимся рельсам, что не слышно было наших собственных криков, и тут один из парней впереди демонстративно встал в полный рост. Он смеялся, прижимая к голове свою кепку, когда поезд вошел в низкий тоннель.

В новостях сказали, что четырнадцатилетнему пареньку из Японии снесло голову на аттракционе Тандер Маунтин Рейлорд, поскольку он проигнорировал предупреждающие знаки. Однако в новостях не сказали о том, как голова этого паренька в ушастой кепке нелепой «вертушкой» отлетела назад и Тоби Элликот на свой двенадцатый день рождения поймал ее и в шоке не выпускал из рук до самого конца поездки.

Пережить подобное достойным образом не так-то просто, как и найти оригинальный ответ на шуточки про «унесенную ветром голову», которые в коридорах средней школы Вестлэйк бросали Тоби все, кому не лень. Причиной трагедии Тоби стал выбор места, сделанный им на американской горке в день его двенадцатилетия. И с тех пор Тоби живет в тени случившегося.

На его месте запросто мог оказаться я. Если бы я сел на его сиденье, а он — на мое, или парни перед нами в последнюю минуту поменялись местами, то голова угодила бы в мои руки, а не в его. Иногда я размышлял о том, как с годами мы отдалились друг

от друга, как Тоби канул в неизвестность, а я обрел популярность. Всю среднюю и старшую школы мои подружки одна за другой, посмеиваясь и морща носики, спрашивали:

— Ты правда дружил с тем парнем? Ну, тем, который поймал оторванную голову в Диснейленде?

— Мы все еще дружим, — всегда отвечал я, хотя это не так. Наши приятельские отношения ограничивались редкими разговорами в чатах. Тем летом наша дружба словно тоже была обезглавлена. Однако это не тяготило меня, как голова не тяготила больше плеч того бедолаги, который сидел перед нами в той судьбоносной поездке на американских горках.

Это ужасно с моей стороны, я понимаю. Но, если честно, с седьмого класса прошло достаточно времени, чтобы случившееся казалось мне всего лишь когда-то услышанной жуткой историей. Произошедшее было трагедией Тоби, и он стоически переносил ее последствия, тогда как меня она ничуть не затронула.

Моя собственная трагедия ждала меня впереди. Она так долго придерживала свой удар, что я успел привыкнуть к безобидной и славной жизни и перестал ждать чего-нибудь интересного. Поэтому моя трагедия грянула поздновато: когда мне уже исполнилось семнадцать, я был донельзя популярен, хорошо учился и будущее не сулило мне ничего экстраординарного.

Джонаса Бейдекера я знал постольку-поскольку. Так знаешь того, кто сидит за соседней партой или слева от тебя в микроавтобусе. Я замечал его, но лишь краем глаза. Это он закатил вечеринку в доме у Северного озера с беседкой на заднем дворе, забитой упаковками пива и «крепким» лимонадом.

Хотя праздновали выпускной, через двор тянулись рождественские гирлянды, и мерцающие огни отражались в темной озерной воде. Машины на улице у дома все побросали черт-те как, и, боясь получить вмятину, я припарковался аж на Виндхок, в двух кварталах от озера.

Тем днем мы с моей подружкой Шарлоттой поцапались на корте после теннисного матча. Она обвинила меня... дайте-ка я ее процитирую: «в увилывании от обязанностей президента класса ради подготовки гавайской вечеринки старшеклассников». Она кинула мне это с таким презрением, словно я должен был устыдиться. Словно должен был немедленно созвать экстренное собрание ученического совета, потому что сама она ожидаемо пролетела с участием в организации вечеринки.

С меня ручьем лил пот, и я залпом пил энергетик, когда Шарлотта вплыла на площадку, одетая в платье без бретелек, которое весь день скрывала под кардиганом. Пока она говорила, я думал о ее сексуальных обнаженных плечах. Наверное, она вполне заслуженно обвинила меня в том, что иногда я бываю совершенно невыносимым и что на вечеринку Джонаса она пойдет со своей подругой Джилл, поскольку меня невозможно терпеть, когда я такой несносный.

— Так ведь «невозможно терпеть» как раз и является определением слова «несносный», — заметил я, вытирая с подбородка напиток.

Неправильный ответ. Взвизгнув от злости, Шарлотта умчалась прочь. Собственно, на вечеринку я пришел поздно, да еще и в своих теннисных шортах, для того чтобы побесить ее.

Сунув брелок с ключом в карман, кивками приветствовал кучу народа. Будучи старостой клас-

са, а также капитаном теннисной команды, я, куда бы ни шел, постоянно кому-то кивал, словно находился на воображаемом корте и отбивал подачи соперников кивками. Вся наша жизнь — игра, и я играю хоть куда, кивая всем туда-сюда.

Признаюсь, каламбуры и шуточки — моя слабость. Обожаю поиграться словами. Стоит сострить, и все вокруг сразу расслабляются, закатывая глаза от услышанной шутки.

Подхватив пластиковый стаканчик, из которого даже не думал пить, я присоединился к парням из теннисной команды на заднем дворе. Там собрались все свои, уже нехило так поднабравшиеся. Они встретили меня с чересчур бурной радостью, и, выдержав с добродушной миной их дружеские похлопывания, я уселся на разложенный шезлонг.

— Фолкнер, ты должен это видеть! — закричал Эван, взгромоздившись на цветочный горшок и пьяно пошатываясь на нем. Он держал на весу один конец зеленой аквапалки, в то время как Джимми, стоя на коленях, поднес другой ее конец к лицу. Парни пытались использовать аквапалку в качестве пивной воронки. Представляете, как они успели наклюкаться?

— Да лей уже, наконец, — проворчал Джимми, и остальные забарабанили кулаками по садовой мебели.

Я поднялся и открыл церемонию распития пива, поскольку это было моим коньком — оцеремонивать любое событие. В общем, я поднялся со своим пластиковым стаканчиком и произнес саркастическую речь: мол, происходящее здесь и сейчас впопру записать в «Книгу рекордов Гиннесса», но только потому, что распиваем мы «Гиннесс»¹.

¹ «Гиннесс» — ирландское пиво.

Вечеринка ничем не отличалась от сотен других, и фортель парней, так же как и сотня других, не увенчался успехом, зато развлек остальных.

Пивная воронка из аквапалки, естественно, не вышла, и Джимми с Эваном принялись обвинять в этом друг друга, придумывая нелепые отмазки, хотя затея изначально была бредовой и технически невыполнимой. Потом разговор зашел о вечеринке после выпускного — кое-кто из нас собирался кутнуть в люксе «Четырех сезонов», — но я слушал парней вполуха. До окончания одиннадцатого класса осталось всего ничего. Я думал о том, что нас ждет дальше. О том, как все эти ритуалы в виде выпускного бала, гавайской вечеринки, церемонии вручения аттестатов, которые мы годами видели со стороны, станут вдруг очень личными.

Похолодало, и девушки в легких платьях стали зябнуть. Парочка из них устроилась на коленях своих парней. Как и другие девчонки на вечеринках, они держали мобильные в руках, и их ладони окутывало мягкое свечение.

— Где Шарлотта? — спросила одна из девушек, и до меня не сразу дошло, что она обращается ко мне. — Ау, Эзра?

— Прости, ты мне? — Я провел рукой по волосам. — Разве она не с Джилл?

— С чего бы это? Джилл дома заперли. Она создала портфолио на сайте моделей. Родители рвали и метали, застукав ее за съемкой к нему. Решили, что это порно.

При упоминании порно несколько парней оживились, а Джимми сделал непристойный жест аквапалкой.

— Как можно ошибочно принять фотосъемку за порно? — вяло спросил я, не особенно заинтересованный этой темой.